

Л.Г.Бызов

В отличие от уважаемых представителей исследовательских центров, я не буду показывать графики и утомлять слушателей цифрами. Мне кажется, что их было достаточно. Попытаюсь сделать некоторые обобщения в рамках поставленной перед участниками слушаний проблемы, что из себя представляет современное российское общество, и с какими проблемами мы столкнулись на выходе из революционного периода 90-х.

Ментальность и ценностные установки нынешней генерации россиян формируются под воздействием двух тенденций, зачастую противоречащих друг другу. С одной стороны, для современного российского общества характерно усиление консервативных тенденций как в менталитете и настроениях ведущих групп общества, так и в трансформации политической системы. Еще в период 1998 – 2000 гг. в России стали складываться социокультурные предпосылки для коренной трансформации общественных отношений, сформировавшихся в 90-е годы. После периода «революционной смуты» в умах, массовое сознание в значительной степени вернулось в свое «спокойное» традиционное состояние. Сформировался своего рода «ценностный консенсус», социокультурный феномен, когда по целому ряду ключевых вопросов общественного бытия достигается согласие большей части общества. Между тем за прошедшие годы выявились и «узкие» места нового идеологического синтеза, заставляющие видеть в нем временное явление. Не случайно в нынешнем году в повестку дня поставлена угроза революции, о которой говорят и элиты, и власти (не важно, что одни – пугают, другие – ее хотят). Конечно, дело не в революции, речь идет о завершении большого трансформационного цикла, начавшегося даже не в конце 80-х годов прошлого века, а значительно раньше, в период существенных изменений ценностных установок советского общества еще в 60-е и особенно в 70-е годы. Именно тогда сформировался запрос со стороны средних слоев советского общества и советской элиты на формирование в России массового потребительского общества на основе индивидуалистической системы ценностей. Этот запрос разрушил советский традиционализм, привел в действие механизмы политической, однако результат этих процессов пока не воспринимается обществом как конечный. Сегодня важно понять, каковы перспективы этой ценностной и социокультурной эволюции, какой тип общества может возникнуть в качестве итога цикла, и, соответственно, каковы качественные составляющие «нового консерватизма», какие социокультурные и политические реалии несет нам этот магистральный на сегодняшний день общественный запрос. Тем более, что сегодня наблюдается некоторая бифуркационная точка трансформации, когда установки на «стабильность любой ценой» постепенно сменяются установками на перемены. Общество отдохнуло, накопило силы для завершающего трансформационного витка. Одновременно остается велика и сила инерции стабильности. Эта тенденция очевидная, она бросается в глаза, и об этом говорили предыдущие докладчики. Это тяга к консерватизму. Действительно, российское общество пережило период смуты, перешло на другую фазу своего политического развития. И как всякий период длительный смуты он приводит к своей противоположности, переходит на другую фазу, и эту фазу мы сегодня наблюдаем. Это фаза усиления консервативных тенденций, буквально, во всех сферах.

На вопрос, какие ценности, на ваш взгляд, являются самыми важными, не только мы, но и другие социологи выделяют такую триаду, как порядок, справедливость и стабильность – на первом месте. Дальше с определенным отрывом идет свобода. Что касается политических ценностей, то полностью можно согласиться с предыдущими выступавшими. Ценности демократии и другие ценности, которые были очень популярны в 90-е годы, ушли на задний план. И сегодня нельзя сказать, что общество их отрицает. Теоретически общество за демократию – за выборы, за политические свободные СМИ (цензуру, правда, хотят вводить, но не политическую, а нравственную), за свободу передвижений, против вмешательства государства в частную жизнь. Но актуальность этих ценностей снижена, это сегодня ценности второго, третьего, четвертого порядка.

С другой стороны, мы видим, что вторая противоречащая этому усилению консерватизма тенденция – та, что, тем не менее, общество довольно успешно модернизируется. Более успешно и быстро, чем в 90-е. Если социальные, политические, идеологические противоречия 90-х годов в огромной степени исходили из сохранившихся реликтов, наличия традиционных сегментов общества, то мы видим, что за последнее десятилетие годы эти сегменты практически размылись. Современное российское общество унифицировалось, процесс скопления населения в мегаполисах, процесс унификации образа жизни, процесс адаптации к рыночным реформам идет достаточно успешно. Поэтому говорить о том, что эти консервативные ценности являются возвратом к какому-то далекому прошлому, тоже не приходится.

В результате возник тот феномен, который мы называем неоконсервативным синтезом. Это поколение неоконсерваторов и оно имеет совершенно другую социальную базу, чем, скажем, имели консерваторы 90-х годов, в основном голосовавшие за КПРФ, которая стала носителем, ядром сохранения этих традиционных, в основном переваренных уже советским прошлым ценностей. Сегодня носителем консервативных ценностей, ценностей порядка, является средний класс. Запрос на порядок, «новый порядок», в первую очередь, исходит от нового российского среднего класса.

Можно сколько угодно спорить о масштабе этого явления – среднего класса, об этом написаны монографии. На основании каких критериев можно его выделить, и как выделить по его социально-экономическим показателям – большой он или маленький по численности? Но если говорить о системе ценностей, а не об объективных социальных показателях, то это люди, нашедшие свое место в современном образе жизни и дорожащие этим местом, они являются носителем и оплотом стабильности. И если реформаторы середины 90-х годов делали ставку на то, что надо создавать средний класс, чтобы сделать необратимыми демократические перемены, то сегодня мы видим, что именно этот самый средний класс развернулся в противоположную сторону по отношению к демократическим ценностям и стал носителем ярко выраженных антидемократических ценностей, что тоже вполне естественно. И на выборах новый средний класс предпочитает голосовать за «Единую Россию» или даже «Родину», а не Яблоко или СПС. Среднему классу нужен твердый государственный порядок, гарантирующий ему завоеванное место, он патриотичен, пусть хотя бы на словах, он даже националистичен. Я бы сказал, что городской средний класс сегодня выступает в качестве протонации, так как процесс складывания новой российской нации весьма далек от завершения, он в самом начале, но это уже тема отдельного разговора. В то же время совершенно справедливо говорил Виктор Кувалдин, что общество, как бы сбиваясь в кучу в рамках консервативного синтеза, в рамках протонации, одновременно остается крайне атомизированным.

Чем дальше, тем больше социологи видят огромный разрыв между системой парадных ценностей и системой реальных ценностей, мотивирующих трудовую и социальную активность. На уровне парадных ценностей общество стремится к «новому единству», оно очень патриотично, оно собирается «в кучу» вокруг национальных интересов, вокруг государства, вокруг образа будущего. Недавно был проведен опрос, о том, какая национальная идея может объединить россиян. На первое место вышла идея возрождения России как великой державы.

С другой стороны, в своей реальной жизни этот постсоветский гражданин ничем не готов поступиться. Не то, что проливать кровь за «великую Россию», но даже поступиться малым, он не готов ни в коем случае. Он сидит в своей «норе», квартире, даче, за железными дверями, за высокими заборами и вытащить его из-за этого забора практически невозможно. То есть в огромной степени консервативные ценности повисают в воздухе и остаются не более чем парадными декларациями.

Современное российское общество антимобилизационно, и оно поддерживает власть ровно до того момента, пока власть только рассуждает о величии, но не требует от граждан никаких активных действий. Мы сами по себе, вы сами по себе. В то же время стремление общества к национальному единству, запрос на формирование дееспособной нации существуют. Это некий идеал, который пока только «греет», но не более того. Неоконсервативный синтез охватил буквально все социальные группы. Если в 90-е годы мы видели очень большую ценностную и идеологическую сегментацию, общество делилось на разные группы в идейном направлении, то сегодня к этим ценностям порядка, справедливости, стабильности тяготеют буквально все группы – электораты всех основных политических партий, различия между которыми с точки зрения их идеологии становятся все менее-менее выраженными. Практически отличаются в нюансах. Общество вообще не желает сегодня делать выбор между отдельными идеологиями, а стремится к их синтезу. Нынешняя власть, худо-бедно, но этот синтез людям предлагает. И каждый видит или готов видеть в том же Путине, что хочет сам. Он многоликий, и либерал, и антилиберал, и рыночник, и чекист, человек на все вкусы. Образцовое порождение нового среднего класса, он на нем базируется, как раз Путин меньше устраивает и самых бедных, и самых богатых, его база – середка.

Трудности и проблемы с развитием российской многопартийности сегодня – это то, что партии, как общественный институт, сформировались в совсем другую историческую эпоху, пятнадцать лет назад. Для сегодняшних реалий эта перекочевавшая из 90-х многопартийность никак не подходит. Поэтому говорить о том, что в рамках нынешней системы ценностей может успешно развиваться многопартийность, нельзя. И это не только результат, безусловно, существующего давления сверху, страха властей перед любым несанкционированным поведением пока еще спящего общества, что вдруг оно проснется, и как-то будет действовать не так, как хотелось бы. То, что мы называем доминантной политической системой, это все же совсем не только и не в первую очередь результат интриг и манипуляций, это ответ на запрос общества. Это состояние самого общества – общества глубокого равнодушия, замкнутости, гражданской апатии, одновременно с тяготением к порядку и справедливости.

Еще очень интересный феномен соотношения власти и оппозиции. И тоже очень противоречивая тенденция. С одной стороны, все затрагивавшие данную проблему, говорили, что да, любые институты власти в основном обществом отвергаются. Очень высокий уровень недоверия к правительству, силовым структурам, местным властям. С другой стороны, мы видим, что есть Путин, альтернативы ему нет. Есть «Единая Россия», за которую голосуют от 40 до 50 процентов. Причем, конечно, и с помощью административного ресурса, но не только с его помощью. В чем же природа такого феномена? Одновременно и тяга к власти, и отталкивание от власти. Все социологические опросы выявляют массу негативного в отношении современной российской бюрократии. Все клеймят чиновников как главное бедствие и бич России. И в то же время готовы голосовать за партию, представляющую, в первую очередь, интерес этой бюрократии. И люди это хорошо знают и понимают, на вопрос, чьи интересы представляет «Единая Россия», большинство отвечает, что интересы бюрократии. За счет чего же такая популярность и поддержка? За счет курса, который ассоциируется с правящей партией? Действительно, мы видим, что на вопрос – нравится ли вам то, что сейчас происходит в стране? – многим нравится, но больше тех, кому не нравится. Ядро удовлетворенных современным положением дел в стране составляет 17-20 процентов. С другой стороны, за «Единую Россию» голосуют в два-три раза больше, а поддерживать Путина готовы еще в четыре-пять раз больше. Откуда всё это берется?

Сбивание общества в кучу, отказ от поддержки оппозиции, происходит постоянно. Собственно этот процесс начался с конца 90-х годов, когда общество разочаровалось в возможностях оппозиции. У нас были две – три влиятельные оппозиционные партии в Государственной Думе, но с какого-то момента запрос общества стал связываться исключительно с властью, причем даже тех сегментов общества, кто это властью категорически недоволен. Также такой интересный парадокс. В «Единую Россию» начинают сбиваться в кучу – и с правого, и с левого фланга. Не только недавние сторонники правой оппозиции, в отношении которой действуют просто законы времени, эта оппозиция переживает системный кризис, общество от нее отвернулось, в нем сегодня доминируют другие системы ценностей. Но что самое интересное, что и патристическая оппозиция, в отношении которой, наоборот, вектор общественного запроса, казалось бы, повернут, то же самое переживает тяжелые времена. Общество воспринимает деятельность и призывы оппозиционных политических партий просто как праздную политическую болтовню. И тот же самый левый запрос, отчетливо проявляющийся в этой триаде, о которой я говорил, связывают исключительно с властью: власть, сделай нам справедливо, сделай нам порядок. Мы сами ничего не хотим делать. Никаких попыток создания институтов гражданского общества нет и не предвидится. Власть, дай нам справедливость, дай нам порядок, дай нам стабильность.

Соотношение установок на стабильность и перемен – то же самое, носит противоречивый характер. Сейчас общество зависло на такой фазе, когда, с одной стороны, устали от стабильности, которая длится уже пять-шесть лет после преодоления последствий дефолта. С другой стороны, перемены тоже очень многих пугают. Скажем, например, где-то весной этого года возникли какие-то предпосылки к тому, что немножко вектор перемен начинает преодолевать вектор стабильности, где-то это покачалось и снова вернулось на круги своя.

Общество продолжает бояться перемен. В первую очередь, боится этот самый средний класс крупных городов, который в целом, несмотря на то, что он готов покритиковать власть в частных разговорах, реально ни к каким переменам не готов. Не могут разбудить народ ни монетизация льгот, ни другие социальные кризисы, а ведь социологи очень много высказывали опасений, что это взорвет общество, произойдет какой-то социальный взрыв. Нет, ничего не произошло. И сейчас вспоминая, поводя итоги, мы только что задали вопрос: какие главные события 2005 года? – на первое место вышел рост цен на бензин, потом развод Киркорова и Пугачевой и т.д. То есть монетизация льгот ушла на пятое-шестое место. Мы вернулись к такому состоянию, когда общество не воспринимает политику как важное для себя действие, воспринимает, скорее, как некий политический театр, способ для развлечения. Такое потребительское, я бы сказал, отношение к политике и обеспечивает стабильность нынешней политической системы, которая в глазах общества далеко не идеальна.

Я полностью согласен с Людмилой Александровной Хахулиной, что общество заинтересовано в восстановлении базовых принципов социальной справедливости. При ответе на «проклятые вопросы» – в чем смысл жизни, в чем недостатки нынешней социальной системы, общество отказывается нынешней системе, социальному строю в этой справедливости. Эта система не справедлива. Может быть, только процентов 30 ее считают справедливой. Более 60-70 процентов считают, что она не справедлива, не пригодна для развития, не соответствует целям, интересам нашей российской нации. Но, тем не менее, ни в каких серьезных дестабилизационных (тем более революционных) тенденциях это всё никоим образом не проявляется.

Все перечисленные противоречия являются отражением того обстоятельства, то, что современное российское общество зависло между разными тенденциями. Идет попытка формирования современной российской нации, поиск ее базового смысла, но попытка эта сопряжена с очень большими сложностями и проблемами. Не понятно, будут они решены или не будут решены. И параллельно с такой проблематичной, пробуксовывающей попыткой, сплочения людей в дееспособную политическую нацию не на уровне парадных, а на уровне реальных ценностей, происходит достаточно стремительная регионализация. То есть то, о чем здесь говорили, и говорят всюду постоянно, об увеличении национального этнического

фактора, русского фактора, других национальных идентичностей, которые стремительно растут, они являются во многом компенсацией за эту пробуксовку, за неспособность современного общества превратиться в нацию. В отдаленных регионах – таких как Дальний Восток, Калининградская область – все больше людей, причем называющих себя одновременно русскими патриотами, выступают за суверенитет этих регионов. То же самое происходит на других окраинах России. То есть русский фактор, фактор русской этничности, выступает именно как компенсационный. Если не удастся сплотиться во что-то большое, давайте сплотимся во что-то другое, хотя бы небольшое. Это лучше, чем ничего.

В то же время неоконсервативные тенденции, которые характерны для нынешней России, говорят о том, что возврата к консервативным ценностям не будет. Недавно удалось прочитать документ русских консерваторов под названием «Русская доктрина», где они предлагают набор достаточно известных ценностей русского патриотизма, возвращение к консерватизму, консервативной революции. Восстановим традиционный уклад жизни, многодетные семьи, русский коллективизм, православие, самодержавие, народность... Ясно, что социальных носителей у такого рода консервативных ценностей нет. Современная генерация россиян – в основном жителей, представляющих городской универсальный, унифицированный образ жизни – очень далека от каких-то глубинных российских корней.

В качестве примера остановлюсь только на одной черте этой «новой русской нации» – ее религиозности, и только потому, что здесь об этом интересно говорил представитель Центра Башкировой, и хотелось бы дополнить его выводы. По нашим данным, 80 процентов тех, кто называет себя верующими, в первую очередь, видят в православии возвращение к национальным традициям и истокам. Они видят в этом не потребность общения с богом, не потребность личной веры и даже не потребность как бы жить в соответствии с христианскими ценностями. Это парадная ценность национальной идентичности, которая действительно очень важна, потому что современное российское сознание испытывает крайний дефицит в таких, каких-то объединяющих началах. Это одна из немногих ценностей, способная объединить, хотя бы на парадном уровне многих, разные разорванные социальные сословия, социальные группы, регионы страны. Но реально, когда церковь начинает вмешиваться в дела общества и претендовать на что-то большее, чем просто парадный символ российский культуры, то это вызывает общественное отторжение.

Отношение к религии и к Церкви как институту в сознании россиян остается достаточно противоречивым. С одной стороны, подавляющее большинство россиян связывает себя с той или иной религиозной конфессией, в первую очередь, с православием. В апреле 2005 года 72% опрошенных россиян назвали себя приверженцами православной веры, и только 13% назвали себя неверующими людьми. Стремительный рост числа тех, кто называет себя православными за последние 15-20 лет, казалось бы, позволяет говорить о своего рода «православном ренессансе». Действительно, в последние десятилетия советской власти число тех, кто называл себя верующими, не превышало 10-11%. То есть налицо рост религиозности общества в 6-7 раз. Причем, если в советский период основная часть верующих состояла из лиц преклонного возраста, преимущественно женщин, а также преимущественно жителей малых городов и сел, то сегодня, напротив, доля православных по убеждениям и вере граждан в больших городах даже выше, чем в малых городах и селах, а доля верующих в средних возрастных группах (30-50 лет) даже несколько выше, чем в старших. Это означает, что произошло не просто расширение традиционной группы верующих, а к православию в той или иной его форме пришли совершенно новые социальные группы. Ядром современного православия становится формирующийся городской средний класс.

Для большинства россиян, собственно церковная жизнь, соблюдение всех церковных обрядов, участие в жизни церковной общины не самое главное, это скорее удел меньшинства (около 11%). Как показывают некоторые специальные исследования, посвященные проблемам современной религиозности в России, большая часть людей, называющих себя верующими, в обычной жизни, за пределами Церкви, руководствуются в точности теми же мотивациями, что и неверующие, декларируемая религиозность практически никак не сказывается ни на моральных установках, ни на трудовых и гражданских мотивациях. Религиозное сознание большей части россиян, даже относящих себя к верующим православным, достаточно эклектично. Вера в Бога, зачастую скорее декларируемая, уживается с верой в приметы (17,7% в октябре 2005 года), в сверхъестественные силы (14,7%), в судьбу (35,0%). Около 8% россиян верят в гороскопы, около 6% – в колдовство, 4,6% в НЛО, инопланетян. Зато в загробную жизнь («тот свет»), необходимый элемент христианской веры, верят всего только 6,9%. «Воздаяние за грехи» при жизни, в которое верят 38,3% – это, соответственно, воздаяние еще в этой жизни, а не посмертный Страшный суд, в который практически никто из нынешних «православных» не верит, и даже навряд ли и слышал о таковом. Нынешнее религиозное сознание обращено явно к «этой» стороне жизни, где вера в Бога и приметы – это скорее способ уберечь себя от прижизненных неприятностей, чем опасения посмертного возмездия. Иконка и православный крестик стали своего рода амулетами. И «Бог», в которого якобы верят 57,6% опрошенных россиян, готовый карать послушников или вознаграждать праведников еще при жизни – во многом воспроизводит черты древнего божества, а отнюдь не Христа. Если идея всепильного карающего божества еще понятна современному массовому религиозному сознанию, то идея Христа с его заповедью любви к ближнему, кажется слишком сложной и противоречащей повседневному жизненному опыту рядового православного россиянина. Переживаемый россиянами «православный ренессанс» – явно неоднозначное явление, имеющее корни не только и не столько в собственно православной традиции, сколько в реанимации гораздо более древнего пласта народных верований и суеверий, успешно переваренных современной массовой культурой. Как и постреволюционная ломка первой половины XX века, перемены конца того же века привели к очередному витку архаизации и примитивизации массового религиозного сознания, своего рода «религиозному китчу» (религии для массового пользования, наряду с кока-колой и концертами шоу-звезд).

Это касается и других российских культурных ценностей. С моей точки зрения, разрыв между традиционной российской культурой, российской ментальностью и современным российским сознанием, несмотря на наличие определенного консервативного поворота, скорее, усиливается, чем сглаживается.

Здравомыслова О.М. Спасибо. Сейчас у нас прозвучали все выступления. Я думаю, что вы уже внесли некоторое смятение в сознание, поскольку здесь очень много информации. Я думаю, что это как раз то время, когда мы можем сделать короткий перерыв на кофе, выслушать последнюю нашу тему и закончить дискуссию.